

**Идея Богочеловечества в опере Н.А. Римского-Корсакова
«Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии»**

© Панищев Алексей Леонидович¹

Россия, Курск. Курский институт социального образования
(филиал) Российского государственного социального университета
Россия, Курск, ул. К. Маркса, 53.
E-mail: aleksepanishhe@rambler.ru

*Бог непостижим. И человеку врождено по естеству
стремиться к Богопознанию, а в нём – полнота благ.
Этой противоположностью определяется путь.*

Г. Флоровский [1, 187]

Блестящим и величественным феноменом русской культуры стала опера Николая Андреевича Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии». Работа над этой оперой была завершена в 1907 году. Как и для явного большинства русских опер, для оперы «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии» присуща органичная связь с национальной историей и духовной культурой народа. Опера обращена к легенде о граде Китеже. Сам город Китеж (правильнее, Большой Китеж, поскольку небольшое селение под тем же названием существовало в этом районе ещё в дохристианское время) был действительно основан в конце XII века на берегу озера Светлояр (сейчас на территории Нижегородской области). В первой половине XIII столетия произошло погружение нижней террасы озера, что хронологически соответствует периоду батыева нашествия на Русь (1237-1240 гг.). Согласно легенде, когда враг подошёл к городу, то неожиданно из земли стала разливаться вода, а сам Китеж ушёл под воду вместе со своими жителями. Таким образом, христианский град не достался врагу на поругание. Согласно иной – более мистической версии – Китеж стал невидимым градом, который могут узреть лишь особенно чистые души. В целом же, в период нашествия монголо-татар на Руси бытовало множество легенд, в которых описывалось, как монастыри, селения, а то и целые города, по молитвам их жителей, уходили под воду при появлении противника. Город же Китеж в этом смысле стал наиболее известен. На основе такой легенды Н.А. Римский-Корсаков написал свою знаменитую оперу. В данной опере рельефно отображена национальная концепция русской православной культуры, в которой выкристаллизовывается смысл человеческого бытия.

---

¹ Панищев А.Л. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Курского института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета, профессор РАЕ.

Опера отличается, прежде всего, глубокой религиозностью, связанной не просто с пониманием догматики Православного Христианства, но и с ощущением его духовного содержания. Прежде всего, в опере отобразён смысл жизни человека. Вспомним, что смысл жизни человеческой, согласно Писанию, состоит в теозисе – в обожении чрез стяжание Святого Духа. В Царствие Божие человек входит не по искуплению грехов, как ошибочно учит католическая церковь, а по воле Божьей чрез Его милосердие и по праведности человека чрез его стяжание Духа Святого. В этом проявляется синергия (сорботничество) человека и Бога, ибо никто не спасёт человека без его волевых усилий, против его желания. «Конечно... Бог мог единым повелением изгнать смерть из мира... В таком прощении сказалось бы могущество повелевшего, но человек стал бы только тем, чем был Адам, и благодать была бы подана ему снова извне. Не была бы тогда исключена случайность нового грехопадения» [1, 74]. Итак, возвратимся к самой опере «Сказание о невидимом граде Китеже и деде Февронии».

В этой опере выражена идея спасения человека через духовную чистоту, преданность своей вере, а также то, что люди, погибшие за веру, Отечество, приумножают славу Божию и обретают духовное спасение. Град Китеж в русской культуре занимает особое место. По существу, образ города в культурах архетипичен, ибо связан с чувством утраченного Царства Божьего. Обозревая культурную традицию человечества, невозможно не увидеть то, что во всех цивилизациях города строились согласно представлениям о божественном мире, и сам город мыслился лишь как земное отражение высшего – небесного бытия. Именно религиозные мотивы служили убедительным доводом, веской мотивировкой для обоснования постройки и планировки городов в дохристианских культурах Древнего Шумера, Древней Индии, Персии, Этрурии, Древней Греции... Построение города – это не просто механический процесс, а сакральный акт, обращённый к самой природе человека. Преступления, совершённые в городах, рассматривались не только в качестве действия одного человека против другого, а также как кощунство перед богами. Обычно охранительными символами города выступали богини целомудрия, такие как Анахита в Персии, Афина в Греции, Артемида в Сицилии... В данном случае подчёркивалось то, что и жители города призваны жить подобно богам – в чистоте.

Что касалось значимости города на православной Руси, то он – в духовном смысле – защищался Богородицей, выражающей в Себе корень девства, чистоты и целомудрия. Город являлся своего рода убежищем, в котором человек способен найти защиту и милосердие – всё то, чего нет в естественной среде. В Библии (Числа. 35 : 23-28, 32) мы также находим взаимосвязь между понятиями *город* и *убежище*. Место же, на котором стоит город, священно и не должно быть осквернённым, например, пролитием крови (Числа. 35 : 33-34). С.С. Аверинцев считает, что древнерусские города выстраивались согласно идее Небесного Иерусалима. Учёный пишет о древнерусских городах так: «Упорядоченное и замкнутое внутреннее

пространство города, организованное вокруг храмов, отгороженное крепкими стенами от хаотических просторов степи... место княжеского суда, средоточие веры и учёности, – пространство это являло... образ строенного дома Премудрости, обособленного от внешней тьмы...» [2, 237] Русская культура характеризовалась чрезвычайно острым переживанием святости чистоты человека и роли города в её оберегании. Так, когда в 1237 году хан Батый подошёл к стенам Рязани, начались переговоры, посредством которых предполагалось откупиться от поганых. Переговоры шли весьма успешно, но в последний момент Батый потребовал жену князя на своё ложе. После этого переговоры были прекращены, и рязанцы вступили в неравный бой с врагом [3, 84] Как известно, Рязань была уничтожена, а все её жители истреблены. Благоверная же княгиня Евпраксия, к слову, видя безысходность своего положения, осознавая невозможность победы над бытовым полчищем, бросилась с высокого терема и разбилась до смерти. Тем не менее никто из рязанцев не допустил того, чтобы свою жизнь сохранить за счёт позора, духовно-телесной осквернённости женщины.

Таким образом, Китеж в русской культуре есть символ града, который воплощает земное отражение Небесного Града. Такой Град свят, неприкосновенен и недоступен для тех, кто его недостоин. Его погружение в воду есть не просто природный процесс, поскольку геологи найдут множество подобных случаев, тем не менее не получивших такого отражения в духовной культуре нации, как случай с озером Светлояр. Данное погружение города в воду мыслится не просто в качестве физической гибели людей, оказавшихся в глубинах вод, но и в качестве указания на их духовное возрождение, ибо в крещении человек обретает жизнь по Духу Святому. Крещение же, как известно, предполагает погружение человека в воду. Вместе с тем, для богопротивного индивида, для слуги антихриста вода губительная, погружение в её глубины влечёт за собой смерть. Поэтому-то при описании таинства крещения подчёркивается двойственное понимание смысла погружения в воду: для человека, познавшего христианскую веру, крещение в воде означает жизнь вечную, а для богопротивника или богоотступника – погибель.

Княжич Всеволод не случайная фигура в опере, ибо он своим социальным положением символизирует иерархию Небесных сил, в которой человек, как творение, призванное стать богом, занимает важное место. К.Г. Юнг отмечает: «Царь, согласно общим представлениям, высшая фигура... он становится носителем мифа, то есть выражения коллективного бессознательного» [7, 252]. В определённом смысле княжич символизирует бытие Бога. Помимо того, что он правит городом, о семантическом содержании которого сказано выше, он являет собой мужское начало, мыслимое в культурах исключительно в духовном контексте.

Дева Феврония есть олицетворение истинно женского начала, мыслимого исключительно в смысле целомудрия, кротости, доброты ко всему живому. Это образ человека, способного владеть всем земным миром, милосердно и благоразумно относиться к тварям, населяющим природу

земную. По сути, она есть ветхозаветный человек, ещё не затронутый первородным грехом, – царь, господин природы. Феврония не просто живёт вне города, она представляет собой женское начало, иначе говоря, – земное, ждущее духовного наполнения. Но духовность небесная может жить только в чистом теле, а потому девство Февронии, как и любого человека, является непререкаемым условием супружества как в божественном сакральном, так и в человеческом повседневном смысле. Само же супружество мыслится как акт в утверждении человеческой природы. «Человек Адам может считаться завершённым только тогда, когда спутницей его жизни стала подобная ему Ева» [6, 21]. Таким образом, мы видим то, что здесь пред нами предстаёт невеста, ожидающая жениха для достижения полноты человеческой природы и становления человека в новой ипостаси – в Богочеловеческой.

Тем не менее княжич и дева в опере не одни – есть ещё и народ, представленный и ратниками, принявшими смерть в бою с врагом, и пьяницей, ставшим в услужение Антихристу и его поганому полчищу. В образе народных героев – как положительных, так и отрицательных – проявляется идея соборной веры, ответственности друг за друга и спасения людей Божьих как праведных, так и оступившихся. Однако непременным условием для соборного спасения людей является их богоугодная жизнь, жизнь в чистоте и благочестии, а также в покаянии. Идея покаяния выражена в молитве Гришки, причём его в опере именуют Кутерьма, а имя его произносится Февронией – девой, – в совместной молитве с которой он покаялся. Таким образом, нераскаявшийся разбойник не живёт, а существует, и нет у него имени, ибо в царстве зла всё обезличено и унижено. Лишь в слезах покаяния, по словам девы праведной, Кутерьма обретает своё имя, а значит, и спасение, поскольку «существовать – это и значит быть мыслимым, быть помятуемым или, наконец, быть познаваемым Богом» [4, 268].

Более того, в пьянице и отступнике Кутерьме мы видим и Божий промысел. Через измену Гришки град был взят на Небо со всеми его людьми, а Гришкино злодеяние в соборной праведности обернулось благом, спасительным и для народа, и для самого Гришки. Эта мысль выражается в следующих его словах:

*Я не грешник, Господу приспешник,
Рая светлого привратничек:
Не губил я душ невинных, –
Причислял их к числу мученик,
Умножал Христово воинство.*

В опере простая девушка Феврония становится невестой князя. С одной стороны, тут показано, что властвование земное ничтожно пред чистотой души, да и сам княжич говорит так:

*Ты, голубушка, птишка вольная,
Не достоин я простоты твоей,
Не достоин я чистоты твоей.
Ты избавь меня от уныния,
Дай душе моей радость Божию.*

В данном случае показано то, что человек может войти в брачный чертог – в Царство Божье – не только по милосердию Бога, не просто по своему нравственному величию, но, прежде всего, по обновлению природы своей, по избавлению от греха уныния, ибо это есть сатанинский грех, тоска по душе погубленной, по грехам своим нераскаянным.

С другой стороны, нельзя забывать и о библейской традиции, в которой Церковь Христианская символизируется образом Невесты, а Иисус Христос – образом Жениха. Ведь Его Богочеловечество принимается от Отца по Божеству, а от Матери – по человечеству. Княжич Всеволод с града Китежа есть символ бытия божественного, так как град за ним подобен Иерусалиму Небесному, а дева Феврония живёт на природе среди зверей и птиц, олицетворяя бытие человеческое. Таким образом, в данной опере отображена тайна природы человеческой – тайна великая – Богочеловеческая. «То, что делает человека человеком, – начало *человечности* в человеке – есть его Бого-человечность» [5, 287].

Н.А. Римский-Корсаков посредством этой оперы передал мысль о том, что благословен праведный народ пред Богом, так как всё, что задумано Господом, то исполнится в его людях – чистых и кротких. Добротой неизреченной и целомудрием сердечным человек заслуживает милосердие Божие и стяжает Дух Святой. Брачный пир ждёт людей божьих в новом Царстве Иерусалимском. Как поется в опере птицами райскими:

*Обещал Господь людям ищущим,
Людям страждущим, людям плачущим:
«Будет, детушки, вам всё новое;
Небо новое дам хрустальное,
Землю новую дам нетленную...»
Се сбывается Слово Божие,
Царство светлое нарождается,
Град невидимый создается.
Люди, радуйтесь, здесь обряцете
Всех земных скорбей утешение,
Новых радостей откровение.*

В опере отображена идея спасения не только праведников, ибо их спасение заслужено и се «ничтоже диво», а также идея спасения покаявшегося грешника, поскольку, как первый, вошедший за Христом в рай, был разбойник, покаявшийся на кресте, так и падший пьяница, сослуживший службу врагу, искренней мольбой покаяния любовь чистую обретает и душу свою спасает.

Список литературы

1. Флоровский Г. Восточные отцы Церкви. М.: АСТ, 2003. – 633 с.
2. Аверинцев, С.С. София-Логос. Словарь / С.С. Аверинцев. – Киев: Дух І Літера, 2001. – 460 с.
3. Повесть о разорении Рязани бытием // Повести ратной славы Древней Руси. Воронеж, 1986. С. 73-92.

4. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2003. – 640 с.
5. Франк С.Л. С нами Бог. М.: АСТ, 2003. – 750 с.
6. Архимандрит Платон. Православное нравственное богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – 240 с.
7. Юнг К.Г. *Mysterium Coniunctionis*. Таинство воссоединения. Минск: ООО «Харвест», 2003. – 576 с.

Аннотация

Данная статья посвящена анализу оперы Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии». В работе отмечается то, что в данной опере выражена идея становления природы человека в смысле теозиса, то есть уподобление Богу через духовную чистоту и способность пострадать за Правду.

Панищев А.Л. Идея Богочеловечества в опере Н.А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» // Россия. Духовная ситуация времени. – 2011. – № 3-4.